

Последний человек на Земле

18+

Чаплин Никита

Никита Чаплин

Последний человек на Земле

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69577054

SelfPub; 2023

Аннотация

Небольшой рассказ о человеке, пережившем мировую войну, но все же способном найти в этом пустом и сером мире какой-то смысл к существованию. Удивительно, как сильно изменились его взгляды на прошлое и настоящее. Надеюсь, этот рассказ поможет вам интересно провести вечер или разнообразить скучную поездку. Попробуйте пережить эмоции героя, поставить себя на его место и подумать о том, почему же некогда прекрасный мир так быстро потерял все краски.

Никита Чаплин

Последний человек на Земле

Глава 1. Тишина.

Поле. Широкое русское поле. Благодать! Да только ни шмеля, ни комара, ни бабочки, вообще ничего живого нет. Даже солнце какое-то блеклое, словно и до него добралась смерть. Выжженная трава, повсюду разбросаны обломки. На краю поля лежит сбитый вертолет. В лесу, конечно, есть животные, но с ними опасно контактировать, лучше вообще никого не встречать.

Полная тишина, лишь изредка пищит дозиметр, оповещающая о повышении фона. Не зря говорили, что человечество – раковая опухоль планеты, что природа давно устала от нас. Она не видела смысла как-то активно с нами бороться, ведь прекрасно понимала, что мы сами себя изведем, уничтожим. Что ж, сбылись эти пророчества, вокруг меня на тысячи километров нет ни души, а если и есть кто-то неподалеку, то я никогда об этом не узнаю: оставшиеся в живых либо сидят глубоко под землей, либо так же медленно и осторожно, передвигаются по поверхности, прислушиваясь к каждому

скрипу и шороху. Первые боятся остаточного радиоактивного фона, который в некоторых местах смертельно зашкаливает. А я не боюсь – кому суждено быть повешенным, не утонет. К тому же мне есть куда и зачем идти.

По трассе идти опасно, можно на кого-нибудь нарваться, а мне проблемы точно не нужны. Конечно, у меня есть винтовка, но пользоваться ей нет никакого желания – пусть служит гарантом безопасности, каким раньше люди считали наличие ядерного оружия... Буду пробираться к Стоилце полями и просеками, еды пока что хватает, так что ни склады, ни заправки искать не придется.

Пройдя через пустырь, по-другому его уже никак было не назвать, окруженный сухим еловым лесом, я оказался на небольшой проселочной дороге, и, сверившись с GPS картой, не торопясь двинулся по ней, вскоре выйдя к огромному заросшему полю. Вдалеке виднелись большие бетонные амбары и склады, похожие скорее на пустые коробки без стенок. Недалеко от них стоял брошенный ржавый комбайн, уже давно вросший в землю.

Ведь это небольшой сельскохозяйственный кооператив, бывший колхоз, а сколько тут люди старались, делали что-то. Каждый что-то переживал, чувствовал, терпел, чему-то радовался. Где это сейчас? Ни от кого не осталось и следа,

вообще никакой памяти. Человек, поистине уникальная система – единство противоположностей. Но еще более противоречиво то, как люди живут вне своего тела. Это может показаться странными, но и при жизни, и после нее, мы живем в чужих мыслях, воспоминаниях, эмоциях. Каждый вносит вклад в развитие и строй общества: укрепляет, меняет или разрушает его.

Родители и некоторые родственники – единственные люди, которые с рождения находятся с нами. Они оказывают на нас необратимое влияние, фундаментально формируют нас, как личностей. Некоторые появляются ненадолго, оставляют какие-то воспоминания, которые постепенно становятся все более блеклыми. О ком-то мы совсем не вспоминаем: они незаметно приходят в нашу жизнь и так же незаметно уходят. Кто-то же остаётся с нами чересчур надолго. Такие люди уходят болезненно, а когда нам кажется, что их давно уже нет рядом, они сами собой всплывают в виде воспоминаний. Ты уже ждешь, когда же этот человек не будет вызывать у тебя ни единой эмоции. Когда он вылезет из моей головы? А человек все не уходит. Может быть, лучше просто никого к себе не подпускать, да не получится так. А может быть, просто аккуратно и вдумчиво выбирать близких себе людей: знать бы загодя, кого сторониться, а кому была улыбка причастьем... Да вот в том то и дело, что загодя знать не получится, кто окажется хорошим другом, кто плохим, а кто

останется навсегда, громко хлопнув за собой дверью.

Странно, что я думаю о людях, хотя уже очень давно последний раз видел живого человека. Раньше мы терлись в метро, думая, как же ужасны окружающие, ждали встречи с любимыми, не различали лица в толпе. Сейчас я иду и надеюсь увидеть хоть кого-то, кто не захочет меня убить, хотя что я лукавлю, я всегда стреляю первым... Всегда готов выстрелить первым, пока что мне не приходилось этого делать.

Сколько бы я отдал за встречу с тем, кого люблю? Жизнь? А что у меня есть кроме жизни?

Небо. Безоблачное черное полотно. Я вижу сотни тысяч маленьких ярких звёзд, видевших миллиарды лет. Они были свидетелями всего, что творил человек на этой планете: всех его открытий, его развития, внутренней борьбы и самоуничтожения. Их спокойствию мог позавидовать кто угодно. Интересно, наверное, быть бесконечным наблюдателем, хотя глупо завидовать тем, кто не сделал ни одного действия за время собственного существования.

Я развел небольшой костерок в неглубоком овраге, чтобы издалека его нельзя было заметить. Вскипятил чая – чув-

ствую, что слегка простудился. К счастью, у меня есть пара полных аптечек. Промыл нос, выпил две обезболивающие таблетки, в которые, кажется, добавляли что-то совсем крепкое.

Легкое покалывание по всему телу сменилось мягким приятным жаром, все глубже проникающим внутрь теплом. Меня словно окутывало большое одеяло, заворачивало в плотный кокон. Как будто мама обнимает меня и согревает. В глаза сначала по одной летят маленькие яркие искры, они кружатся и ударяются прямо в зрачок, одна за одной, все чаще и чаще. Их становится все больше, пока горящие переливающиеся огоньки не превращаются в единую тянущуюся массу, занимающую собой все видимое пространство. Когда долетает последняя искра, я погружаюсь во мрак, в голове наконец становится тихо, даже немного пусто. Все замедляется. Теряется ощущение времени.

Не знаю, почему я так часто стал пить эти таблетки, возможно, мне так легче справляться с эмоциями: горем, одиночеством, тоской. Иногда мне кажется, что я совершенно спокоен, только устремлен к своей цели. Но действие препарата заканчивается, и вот я уже совсем обычный, вспыльчивый человек, не умеющий держать себя в руках, каким и был до всего этого...

Глава 2. Встреча.

Я ползу по большому ярко-зеленому листу. Солнце слепит меня, да так сильно, что половина видимого мне кажется абсолютно белым. Вдруг я резко начинаю падать, извиваться и вижу себя – большой, длинный дождевой червь! Какой-то я слишком фиолетовый и блестящий... Лечу в темную, черную пропасть, откуда появляется огромная рыба голова, пожирающая меня целиком. Все. Темнота.

Глупый сон, подумал я, не успев толком проснуться.

Зябко с утра. Костер давно потух. Тишина. Давно не слышал пения птиц, разве что крикнет кто-то в чаще леса, да сам испугается и замолкнет.

Повезло, что я научился разводить костер, ориентироваться на местности, многие навыки помогают сейчас выживать. А много ли я умел, живя в обществе, среди самых обычных людей?

Знаете, я совершенно не научился жить. Это вывод, к которому с одной стороны легко прийти – просто сказать: “ну у меня ничего не получается, да, в общем, я ничего и не хочу”,

а с другой очень сложно. Сложно признать, что всегда ошибался в людях: не акцентировал внимания на тех, кто меня действительно ценил и любил, забрасывал свои интересы, не доводил дела до конца. Все это в какой-то момент заставляют нас сесть и задуматься, а то ли мы вообще делаем? Сильные находят в себе силы порефлексировать и начать что-то делать, а слабые нет. К сожалению, навыки, которые позволяют не допускать этих ошибок – врожденные, не представляю, как их вообще можно развить. В конечном итоге каждый, кто шел путем сильного, – превращался в слабого или ему улыбалась удача и он заявлял, что всему научился.

Многие люди не отличают невезение от неумения: если у кого-то что-то получилось, то значит он научился. Совершенно точно, раньше было очень много талантливейших людей, не догадывавшихся о своих способностях или не умевших их применить.

Я много раз сталкивался с непониманием со стороны, как мне казалось, близких людей. Думаю, главная ошибка была в том, что я пытался их поменять. Не поменять никого кроме себя, просто нужно найти тех, ради кого можно меняться, кого будешь любить не такими, какими ты себе их нарисовал, а какими есть. Бесспорно, это невероятно сложно и утомительно осознать, а потом еще и отказаться от этих, казалось бы, близких людей. Не успел я этого сделать. Может,

это сама судьба отвела от меня всех, кто не был мне действительно нужен... Получается, вообще всех отвела?

Я иду по узкой, слегка заросшей тропинке, видимо, не пользующейся спросом в последнее время. Вдруг меня что-то остановило. Запах дыма! Люди! Что это за люди? Не захотят ли они меня убить, услышав тихий хруст веток и осторожные шаги? Стоит ли мне вообще кого-то встречать или вернуться немного назад и обойти пролесок стороной... Да какие там люди? Было бы их несколько человек, я бы давно услышал их разговоры или стук топоров. Подойду. Если и увижу кого – выстрелю: все равно еда подходит к концу.

На опушке, еле выглядывая из-за кустов и травы, стоит небольшая землянка. Из-за нее тоненькой полоской поднимается дым – то ли костер уже затухает, то ли его не успели развести. Я подошел к землянке. Кажется, ее пытались хорошо замаскировать, да повезло мне, что увидел. Рядом на тонких сухих ветках сохнут грибы, а из-за дома выглядывает полотенце, наверное после стирки. Я обошел дом и снова остановился как вкопанный. Недалеко от костра лежало тело, упавшее на охапку хвороста. Я пересилил себя, подошел и перевернул его.

На мокрой от росы земле лежал невысокий плотный старичок с немного напряженным, грустным выражением лица. Синяя рабочая куртка, свободная красная футболка, непромокаемые брюки из легкой брезентовой ткани, а на ногах галоши. В хворосте лежат небольшие прямоугольные очки в гнутой оправе, а с лысоватой седой головы слетела кепка. Обычный дедушка.

Я пощупал пульс. Пульса не было. Тело еще совсем тепловое. Думаю, он умер минут пятнадцать назад. Я далеко не врач, поэтому не мог определить, была ли эта старость, или инфаркт, или инсульт, или радиация. А ведь я мог встретить самого настоящего живого человека! Посмотрев в сторону входа, я увидел двуствольное ружье, опирающееся на стену. А может быть, и хорошо, что не успел... Кто знает, что было на уме у этого доброго с виду старикашки.

Я был уже совсем недалеко от Столицы – по прямой мне оставалось пройти километров десять. Я мог выйти на железнодорожные пути, чтобы не плутать по тропам, просекам и проселочным дорогам, но что-то мне подсказывало, что этого делать не стоит.

Погода стояла тихая, солнечная, передвигаться со всей на-

грузкой было немного жарко. Но это даже грело меня изнутри, ведь я приближался к заветной цели.

Глава 3. МКАД.

Затишье, какое обычно бывало перед бурей. Раньше мы переставали слышать птиц и дышать становилось достаточно трудно. А сейчас я и сам как зверь, чувствую, что приближается ненастье. Вот он, долгожданный рубеж – МКАД, широкая дорога, окружавшая логово предателя.

Мы все хотели победы, ждали ее. Горели за свою страну. Где-то там далеко кто-то точно также нервно смотрел на все ужасы фронта, слушал новости, ждал, когда это закончится. И ради чего? Бог будет судьей всем причастным, потому что никогда еще не было такой длинной очереди у врат рая и ада. Наши вожди предали нас, развязав эту войну, заставив каждый народ думать, что прав именно он. Сейчас уже нет правых и неправых, уже никого нет, в этом и заключается предательство.

Войны начинаются тогда, когда вы их начинаете, но не останавливаются, когда вы этого захотите. Кажется, это еще очень давно сказал Макиавелли, или как-то так его звали. Мы слишком поздно осознаем то, о чем люди размышляли за тысячи и сотни лет до нас. Вот и я как будто заново откры-

ваю для себя заповеди жизни, пытаюсь вникнуть в их смысл.

Прижимаясь к стенам, заглядывая в окна, я прошел пару кварталов к центру города. На дороге валялся мусор, стояли машины с разбитыми окнами. Дозиметр все более нервно и все более часто пищал. На всякий случай я выключил звук, закрепив на запястье индикаторную лампочку.

Вдруг резко задул ветер, начал накрапывать мелкий холодный дождь. Не обмануло меня чутье и в этот раз.

Я гуляю по подземной парковке высотного стеклянного дома. Ровный бетонный пол, на шершавых белых стенах желтой краской аккуратно написаны номера. Вдали стоит несколько машин.

Подойдя поближе вижу, что они покрыты толстым слоем пыли. Лучше не буду трогать, все равно никуда не уеду без ключей. Замечаю, что через несколько мест стоит что-то, накрытое плотным тканевым чехлом.

Все-таки любопытство берет верх. Сняв чехол, вижу ярко-красный автомобиль с желтой эмблемой коня на капоте. Феррари. Кто о такой не мечтал? Теперь никто не мечтает. Быстро, однако, может поменяться система ценностей не

просто у человека, а у человечества. Хотя, наверное, нельзя так сказать, никого ведь не осталось.

Что нужно для счастья? Кажется, вообще ничего не нужно.

Отшельники, живущие в одиночестве, десятилетиями не видящие людей, спокойны в душе и счастливы. Они сами добывают себе еду, сами колют дрова, сами обустроивают жилище. В маленькой группе мы наблюдаем разделение труда: теперь есть несколько мнений, обязанности назначены исходя из того, кто и что лучше делает. Они делятся переживаниями, дают друг другу советы, планируют общее будущее. Если группа людей еще больше, в ней выделяются лидеры, появляются четкое разделение на профессии и товарно-денежные отношения, а с ними зависть, ложь, корысть и даже гонка за ресурсы. В этой ситуации кто-то будет получать больше, кто-то – меньше, в соответствии со своими навыками и способностями или обманом и хитростью. Стоит ли говорить о современном обществе, где миллионы людей живут на одной территории, и каждый из них, в буквальном смысле, борется за место под солнцем.

Удивительно, как люди, того не понимая, пробудили в себе множество отвратительных чувств и качеств. Сами создали мотивы для грехов, сами мешают себе быть счастливыми.

Мы все смотрим на то, как кто-то устроился лучше, после чего остаемся на месте, вечно виня себя или кого-то вокруг, или начинаем бежать за мнимым успехом, туда, к лучшей жизни. Остановить такой марафон очень трудно, ведь финиша нет. С другой стороны, имея все с рождения, попробовав все возможное, люди теряют вкус к жизни. Они пребывают в другой гонке – гонке за новыми ощущениями и эмоциями, тоже не похожей на счастье. Любой может стремиться к реализации, вкладу в мир. К сожалению, зачастую в основе также лежит удовлетворение собственных потребностей, хоть окружающим они и кажутся благими.

Единственный способ быть счастливым, не зависящий от материального положения или статуса, – радоваться мелочам, удивляться всему в душе.

Ливень постепенно заканчивается: крупные капли дождя скатываются по окнам все медленнее, а небо начинает светлеть. Я покинул здание и иду по парку, аккуратно перешагивая неглубокие грязные лужи. Винтовка задевает пригнувшиеся ветки, из-за чего на меня то и дело обрушивается целый водопад. Рябь на воде пруда успокаивается, а сонные, сидящие в кустах утки вытягивают шеи, удивленно смотря на меня. Увидев их, я тоже от удивления попытался вытянуть шею, но, ускорив шаг, решил побыстрее уйти.

Кажется, что еще нужно для счастья? Как же мимолетна эта мысль, как же много раз она возникала в моей голове. Раньше мы понимали, что с утра на работу, кого-то дома будет ругать жена или мама, за то, что грязные, мокрые ботинки стоят не на коврике. Кто-то долго не сможет уснуть, думая над собственной жизнью, горя о прошлом, со страхом заглядывая в будущее. Кому-то не дадут покоя одиночество или скука. Теперь ничего этого нет. Не могу сказать, что я успел потерять все человеческие чувства, но почему-то мне тяжело к ним возвращаться.

На улице свежо. Температура опустилась, дышится легко. Пустые аллеи, пустые лавочки, качели тихонько скрипят на ветру. Знаете, все-таки жизнь привлекательна, когда сам находишь в ней интересы и смыслы.

Глава 4. Город.

Синяя затертая табличка – “Улица академика Врагина”. До ужаса знакомое имя. Помню, когда-то давно по краю моей судьбы прошел человек, который смог остаться в сердце навсегда. Звали ее Лиза Врагина. Мне запомнилась наша первая встреча, первое полноценное знакомство.

Не помню, где мы гуляли, помню что был теплый солнечный день. Нет, жарко не было, скорее даже свежо для сере-

дины лета – прохладный ветер налетал с разных сторон.

Я не знал, есть ли у нее человек сердца. Не знал, видит ли она меня в своей жизни. Не знал, хотят ли высшие силы, чтобы мы были вместе. Я знал только о своих желаниях и возможностях.

Помню, у нее было такое платье черное обтягивающее, выше колена, с длинными рукавами и открытой спиной. Так ей шло, ужасно красиво...

Помню, как спешил на это свидание, вприпрыжку идя к метро, и увидел сидящую на асфальте бабочку. Мокрый тротуар и маленькое дрожащее тело прямо на середине. Она была практически незаметна из-за сложенных крыльев. Я аккуратно посадил ее на ладонь и отнес на траву, под дерево.

Много было самых светлых, полных любви моментов, в которых хочется застрять на всю жизнь – те недолгие секунды, когда чувствуешь полное спокойствие, полное удовлетворение и нежелание что-то менять...

Пыль все это. Жизнь все перетерла, обо всем я забыл. Забылись все имена, все даты. И себя совершенно не помню, что уж тут говорить. Удивительно, как после всех ударов и потерь я умудрялся находить в себе силы снова чувствовать

что-то хорошее, хотя сейчас мне кажется, что это пагубно на меня влияло.

Мне начали попадаться улицы, полностью заваленные обломками зданий, брошенными машинами и мусором, разрушенные дома-скелеты без крыш, окон и этажных перекрытий.

Бетонные конструкции словно погрузились в сонное царство, абсолютную тишину, прерываемую лишь завываниями ветра.

Начинает смеркаться, а я все продолжаю медленно идти к своему старому дому, в свою квартиру, домой. Я полностью сконцентрирован на окружающем пространстве, показаниях дозиметра и точке на GPS карте. Я не чувствую голод, не чувствую жажду, не чувствую усталость, только периодически чувствую сильные удары сердца, словно оно пытается напомнить о своем существовании, предостеречь от чего-то, остановить, но, так и не добившись ни капли внимания, затихает до следующей попытки.

Темная дорожка переходит в лабиринт переплетающихся одинаково серых панельных домов. Я иду по тихой без-

людной улице, стиснув зубы и сжимая в руках винтовку, боясь каждого шороха, скрипа и стука. Впереди показывается очень высокий худой человек. Он идет в мою сторону. Что-то замирает внутри, сердце начинает очень быстро биться, я останавливаюсь и начинаю разворачиваться, судорожно снимая с предохранителя винтовку. Через мгновение мужчина пропадает, только разбитый оранжевый фонарь выглядывает из-за дерева, смотря на меня с легкой издевкой. С облегчением опускаю винтовку, но через мгновение снова поднимаю ее, направляя в темноту. Уже не хочется идти по этой дорожке, поэтому я сворачиваю в ближайший двор, чтобы обогнуть здание с другой стороны.

На улице нет ни души – лишь я иду быстрым шагом по тихим безлюдным улицам, озираясь, полный уверенности, а может быть и надежды, что за углом или где-то в кустах скрывается нечто.

Я не встретил никого, даже шороха малейшего не услышал, но с гордой готовностью к любым неприятностям иду длинными шагами великана по пустым разрушенным кварталам.

Я зашел в небольшой глухой дворик. Над головой чистое

звездное небо. Окинув взглядом темные окна, слегка успокоившись, я вешаю винтовку на плечо и решаю остаться здесь на ночь. Показания дозиметра в пределах нормы, да и идти отсюда остаётся часа полтора.

Подъездная дверь валялась рядом с черным дверным проемом. Включив фонарик, я увидел тысячи крупных, светящихся, левитирующих пылинок, занимающих все пространство. На лестничном развороте между первым и вторым этажом валялся совершенно плоский, иссушенный труп кота.

Я поднялся на пятый этаж. Не хотелось вскрывать квартиру, поэтому я прошелся по этажу, пока с третьей попытки ни нашел открытую дверь. В одной из комнат окна почти полностью сохранились. Тут и останусь. Не хочу сильно копаться в чужой, старой квартире – кто его знает что тут происходило...

Звезды, такие далекие, такие безразличные... Мне всегда хотелось оставить все дела, переживания, мысли на Земле и взлететь к ним, просто наблюдать за ними, за летящими через бесконечную тьму кометами, за медленно эволюционирующими планетами... Все неодушевленное так прекрасно, так бессмертно. Наверное, в этом и есть его недостаток: мы часто ценим то, что имеет срок годности, или вовсе начинаем действительно ценить что-то, когда оно заканчивается.

Я снова выпил таблетку, даже две... или три, не помню. Так спокойно и хорошо, будто больше никогда не проснусь, хотя, честно, и засыпать не хочется.

Глава 5. Дома.

Холодный воздух давно проник в помещение. Я просыпаюсь, смотрю на часы: шесть утра... Рановато, но пора.

Давно я не курил, но почему-то очень сильно хочется: чувствую какое-то волнение, мандраж, какой раньше возникал при малейшей стрессовой ситуации.

Нащупал в кармане завернутую в полиэтилен давно припасенную сигарету, аккуратно развернул ее и закурил.

Погода сегодня прекрасная, но все же чего-то не хватает. Солнце не палит, то и дело скрываясь за облаками. Еле дуящий ветер кажется зябким, пол в комнате – скользким. Наверное, дело не в погоде... в чем-то другом. Дым быстро рассеивается в воздухе, растворяется в легких. Не сказать, что становится легче, скорее наоборот.

Не научился я наслаждаться моментом, хотя сейчас кажется, что любым моментом нужно наслаждаться, даже самым серым и обычным. Ненавидя все, что делаем, мы превращаем жизнь в самоистязание, которое закончится только тогда, когда осознаем, что ко всему нужно относиться просто и спокойно.

Выхожу из подъезда, меня до сих пор удивляет тишина на улицах... Странная вещь – суета, но все еще такая привычная. Ее присутствие обнадеживает, даже мотивирует делать что-то.

Я вышел из-за угла и замер. Давно ничто не производило такого сильного впечатления. На торце дома огромное граффити: на грязном рваном американском флаге, кажется, что дырок больше чем звезд, стоит по пояс голый солдат, держащий в руках автомат. Он стоит в пол-оборота так, что полностью видно спину, на которой вытатуирован огромный ястреб, только не золотой, скорее какой-то скелет... Две черепашки смотрят в противоположные стороны, клочья перьев торчат из коричневых, гнилых кусков мяса, еле покрывающих кости. Крылья наполовину состоят из металлических, поцарапанных насечек, вторая половина вовсе отсутствует. Вместо скипетра и державы ястреб судорожно сжимает ракету и маленького человечка. Пустые глазницы будто с ужасом смотрят на то, что осталось от города, от Родины.

Карта показывает, что осталось идти 200 метров, хотя я уже давно перестал в нее смотреть, с трудом узнавая окрестности, находящиеся в руинах. Меня начало трясти, по спине побежали мурашки, а сердце застучало так сильно и быстро, что я чувствовал его удары каждой частью тела. Из ступора в ывел сходящий с ума дозиметр, не перестающий пищать в ухе. Я стиснул зубы и пошел дальше.

Оставалось обойти длинный, п-образный дом, чтобы оказаться в родном дворе. Периодические сигналы дозиметра превратились в монотонный гул, означавший, что радиация уже зашкаливает и здесь нельзя долго находиться.

Что-то снова порвалось у меня в груди, сердце замерло. Я стою около двух этажей здания, которое когда-то было девятиэтажным. Ровно по моему дому проходит граница огромной, уходящей в даль воронки. У моих ног лежат почерневшие бетонные блоки, куски арматуры.

Не знаю, что теперь делать, куда идти, хотя и сил куда-то идти нет. Только сейчас начинаю осознавать, что как-то странно себя чувствую. В детстве мне было жалко смотреть, как люди уничтожали леса, заповедники, чтобы добыть полезные ископаемые или построить новые дома и города. Сейчас мне больно смотреть, как люди сами же все это разрушили. Думаю, если бы я знал, что моего дома давно нет, бы все равно сюда пришел. Странно это все-таки, быть последним человеком на Земле.